

Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением

В.Т. Юнгблюд

Вятский государственный университет

Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, утвердившаяся по итогам Второй мировой войны, была создана для поддержания безопасности и сотрудничества государств в послевоенном мире. Решающий вклад в её создание внесли лидеры «большой тройки», обеспечившие победу над фашистско-милитаристским блоком в 1945 г. Эта система цементировала мировой порядок в годы холодной войны вплоть до распада СССР в 1991 г. и разрушения двухполюсной структуры организации международных отношений. Происходившие после этого изменения стимулировали поиск новых конструкций международного порядка. Цель настоящей статьи – охарактеризовать обстоятельства формирования основ послевоенного мира и показать, как исторические решения, принятые лидерами держав антигитлеровской коалиции в 1945 г., проецируются на современные политические процессы. Исследование фокусируется на взаимосвязанных вопросах: что представлял собой послевоенный миропорядок, насколько цельным он был? Как политические решения 1945 г. повлияли на происхождение холодной войны? Есть ли будущее у возобладавшего в конце XX в. американоцентристского международного порядка, генетически связанного с Атлантической хартией и целями антигитлеровской коалиции в войне?

Многие элементы Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений в 1990-е гг. сохранились и доказали свою жизнеспособность. Завершение холодной войны и глобализация создали условия для широкого распространения в мире демократии. Либеральная система международных отношений, расширившаяся в конце XX – начале XXI вв., в настоящий момент переживает кризис. Чтобы миропорядок, основанный на либеральных принципах, получил шанс на продолжение (и не обязательно в рамках однополюсной системы), потребуется укрепление действующих международных институтов, обеспечивающих стабильность и безопасность, прежде всего для создания барьеров на пути распространения национального эгоизма, радикализма и международного терроризма. Обязательными условиями продвижения идеи либеральной системы международных отношений является корректировка либерализма как такового, отказ от одностороннего навязывания его принципов народам с иным набором ценностей. Для этого также потребуется, чтобы все главные участники современной международной жизни оказались в состоянии выработать единую повестку общих проблем и межгосударственных отношений, взаимодействовать в режиме диалога, вникая в аргументы оппонентов и учитывая их жизненные интересы.

УДК: 94

Поступила в редакцию: 15.04.2020 г.

Принята к публикации: 01.06.2020 г.

Ключевые слова: 1945 год, американоцентризм, антигитлеровская коалиция, «большая тройка», либеральный мировой порядок, послевоенное урегулирование, холодная война, Ялтинско-Потсдамская система

75 лет назад завершилась Вторая мировая война. Её результаты на много десятилетий предопределили направленность развития международных отношений. 1945 г. не просто поделил мир на победителей и побеждённых, он стал отправной точкой их примирения. Вместе с тем он обнажил конфликты, подспудно существовавшие среди государств антигитлеровской коалиции в течение всей войны.

Руководители стран победоносного альянса приступили к подготовке планов послевоенного устройства мира задолго до Победы. Значительная часть этих планов воплотилась в политические решения, принятые во время работы конференций лидеров «большой тройки» в Ялте (4-11 февраля) и Потсдаме (17 июля – 2 августа), на совещаниях министров иностранных дел в Лондоне (сен-тябрь – октябрь 1945 г.) и Москве (16-26 декабря), на первых заседаниях Организации Объединённых Наций в Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня). Одновременно с событиями, демонстрировавшими «крупные планы» глобальной стабилизации мира, происходили важные по своим долговременным последствиям процессы национального и регионального уровней («локальные» и «средние» планы) – определялись условия капитуляции побеждённых; устанавливались оккупационные режимы; шли выборы в представительные органы власти, и формировались правительства на территории освобождённых государств; вместо прежних колоний возникали независимые государства; утверждались новые нормы международного права и прецеденты; менялись национальные лидеры. Мир становился другим. Возникал новый мировой порядок.

На первый взгляд, не было ничего необычного в происходивших в 1945 г. событиях. Казалось бы, подтверждалась истина, согласно которой конструкция очередного миропорядка задаётся «итогами крупнейших войн и/или связанными с ними внутренними переменами в ведущих (т.е. в прошлом просто сильнейших) странах, поражением одних, возвышением других, распадом или образованием империй» (Богатуров, Косолапов, Хрусталёв 2002: 308). Однако на этот раз масштабы реконструкции мира были несопоставимыми с известными историческими аналогами. Порядок, утвердившийся в 1945 г., имел право претендовать на уникальность. Ялтинско-Потсдамская система, основанная на балансе интересов держав-победительниц, одухотворённая идеей долговременного безопасного мира, охватывала весь мир. При этом ситуативные решения, представлявшиеся современникам естественными и справедливыми, шли бок о бок с утверждением универсальных, обращённых в будущее принципов международных отношений. Лидеры держав-победительниц отстаивали своё право на руководящую роль в управлении процессом послевоенного мироустройства.

СССР и США имели для этого наиболее убедительные аргументы: вклад в победу, реальное военное присутствие в наиболее значимых частях послевоенного мира и состояние вооружённых сил. Этих аргументов было достаточно для того, чтобы конструкция послевоенного мира стала двухполюсной.

Вплоть до начала 1990-х гг. справедливость и историческая оправданность этого порядка не подвергались сомнениям. Распад СССР в 1991 г. заставил задаться вопросами о жизнеспособности и пределах долговечности Ялтинско-Потсдамской системы. Поколения граждан, родившихся в Советском Союзе, считали её абсолютно справедливой и незыблемой. Последнее десятилетие XX в. положило конец «знакомому миру»¹, а происходившие после этого изменения стимулировали поиск новых конструкций международного порядка и внесли в повестку многочисленных политических и научных дебатов ряд взаимосвязанных вопросов. Что представлял собой послевоенный миропорядок, насколько цельным он был? Как политические решения 1945 г. повлияли на происхождение холодной войны? Соответствовала ли утвердившаяся во второй половине 1940-х гг. двухполюсная конфигурация миропорядка замыслам главных авторов послевоенного урегулирования? Почему после распада СССР многие институты и нормы Ялтинско-Потсдамского наследия сохраняют свою актуальность? Есть ли будущее у возобладавшего в конце XX в. американоцентристского международного порядка, генетически связанного с Атлантической хартией и целями антигитлеровской коалиции в войне?

В свете современных международных процессов последний из перечисленных вопросов стоит особенно остро, поскольку основные качества либеральной системы международных отношений сформировались в подконтрольных США частях мира в годы холодной войны, и вплоть до сегодняшнего дня она продолжает оказывать значительное влияние на направленность развития мировых процессов. Приведённый перечень вопросов охватывает лишь часть проблематики дискуссий историков, политологов, специалистов в области международных отношений, почти не прекращающихся в течение четверти века и активизировавшихся в связи с юбилеем победы. В настоящей статье предпринята попытка осветить обстоятельства формирования основ послевоенного мира и, следуя логике ответов на приведённые выше вопросы, показать, как исторические решения, принятые лидерами держав антигитлеровской коалиции в 1945 г., проецируются на современные политические процессы.

Патриарх американской внешней политики Г. Киссинджер в известном бестселлере, вышедшем в свет в 2014 г., заявил, что по-настоящему глобального «мирового порядка» никогда не существовало (Киссинджер 2015: 11). Зададимся вопросом, что же тогда это было? Чем на самом деле являлась совокупность договоров, согласованных правил, международных норм, организаций и

¹ «Конец знакомого мира» – название известного труда Иммануила Валлерстайна. См.: (Валлерстайн 2003).

институтов, появление которых стало возможно лишь после победы над Германией, Японией и их союзниками в 1945 г.?

Для начала конкретизируем мысли Киссинджера, продолжив его моно-лог: *«В конце войны Соединённые Штаты Америки как единственная крупная страна, вышедшая из конфликта без особых потерь, производили около 60% мирового ВВП. Тем самым открывалась возможность определять: лидерство – по практическому прогрессу, ориентиром для которого служат достижения Америки внутри страны; союзы – через вильсонские концепции коллективной безопасности; управление – посредством программ восстановления экономики и демократических реформ. Как ни велики были американские возможности, очевидной становилась их ограниченность. Настоятельно требовалось определить приоритеты. Столкновение Америки с этими реалиями подняло новый вопрос, который перед США до той поры не вставал: является ли американская внешняя политика историей с началом и финалом, когда возможны окончательные победы? Или же она представляет собой процесс, обусловленный необходимостью отвечать на постоянно возникающие вызовы и справляться с ними? Есть ли у внешней политики цель или же это процесс, не имеющий завершения?»* (Киссинджер 2015: 359).

Замечательный по своему смыслу фрагмент, не правда ли? Киссинджер пишет о внешней политике США. Но вопрос, который он задаёт, относится на самом деле не только к Соединённым Штатам Америки. Поскольку речь идёт о наследии 1945 г., резонно отметить, что США не являлись единственными наследниками победы. И хотя выделенная триада: лидерство – союзы – управление описывается Киссинджером как основа политического программирования в сфере международных отношений для единственного доминирующего субъекта – США, надо помнить о том, что в 1945 г. претендентов на лидерство было как минимум два — СССР и США. И обе страны вели себя в высшей степени активно. Помимо них были и другие победители. На момент окончания войны в состав антигитлеровской коалиции входило более пятидесяти государств. Кроме того, были нейтральные страны. И даже статус побеждённых государств не лишал их права на справедливый миропорядок после установления мира. По этой причине правомерно перелицевать вопрос Киссинджера: есть ли у мирового порядка цель, или же это процесс, не имеющий завершения? Собственно говоря, сегодня именно этим вопросом по большей части и определяется проблематика исторического значения 1945 года.

Главная из проблем, привлекающих первоочередное внимание историков и политологов, заключается в современной оценке правомерности и исторической оправданности Ялтинско-Потсдамской системы как таковой. Если исходить из установки, согласно которой «глобального мирового порядка никогда не существовало», то придётся признать, что решения 1945 г. были всего-навсего временными, продиктованными правом победителей, условиями послевоенного мира. Как тогда оценивать основные конструктивы этого мироустройства?

Они были многогранными и комплексно решали сложнейшие вопросы: о границах между государствами и связанных с их определением территориальных согласованиях; о международных организациях, включая ООН и иные органы, в том числе финансовые, торговые и экономические, призванные, по мысли их создателей, обеспечить мир и стабильность; о многочисленных региональных и двусторонних разногласиях, нередко имевших глубокие исторические этнокультурные, национальные и религиозные истоки. В том же ряду стояли процессы над военными преступниками, организованные для того, чтобы осудить виновников войны и исключить возможность повторения массовых зверств и международного беззакония.

В существующих сегодня нормах международного права, очертаниях государственных границ, механизмах управления международными процессами и в сознании миллионов людей в разных странах важные элементы Ялтинско-Потсдамской системы продолжают оставаться неопровержимой реальностью. Вместе с тем за последние три десятилетия в мире появилось немало сил, желающих поставить эту реальность под сомнение, реформировать её ключевые институты, изменить или вообще демонтировать конструкцию существующего миропорядка. Отчасти эти импульсы питаются настроениями реваншистского плана, градус которых возрос в связи с возвращением к политической жизни наследников коллаборационистов и союзников стран «оси» во время Второй мировой войны, ставшим возможным в государствах Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства на волне (как ни парадоксально!) «распространения» и «расширения демократии» в конце XX – начале XXI в. Однако наиболее обоснованные аргументы в пользу обновления мироустройства опираются на реально существующие характеристики современного мира и учитывают масштабы изменений, произошедших за последние десятилетия – перераспределение военной мощи, возросший уровень экономической интеграции и восхождение новых индустриальных центров, развитие науки и технологические прорывы, информационную революцию, а также глобальные угрозы (изменение климата, пандемии, международный терроризм, техногенные катастрофы, состояние экосистем), для предотвращения которых требуется взаимодействие всех государств². Эволюция цивилизации поставила существующую систему международных отношений перед дилеммой: являются ли решения 1945 г. жизнеспособными в современном мире, или же их следует признать архаизмом, утратившим актуальность?

В зависимости от ответа на этот вопрос следует рассматривать перспективы развития международных отношений. Если дошедшие до наших дней компоненты Ялтинско-Потсдамской системы сохранили запас прочности и продолжают служить интересам мирового сообщества, значит, повестка дня внешней

² См., например: (Бжезинский 2014: 100-114; Бжезинский 2015: 650-667; Mearsheimer 2019: 18-30; Nye 2017: 12-14).

политики ведущих держав мира должна быть ориентирована на создание условий для органичной эволюции имеющихся механизмов безопасности, контроля над соблюдением норм международного права и укрепления сотрудничества государств-лидеров международных отношений. Если же установленный по итогам Второй мировой войны миропорядок не справляется с современными задачами и перестал быть инструментом безопасности и развития, то тогда следует признать, что любые попытки сохранить эту конструкцию обречены и, строго говоря, препятствуют прогрессу.

Прежде чем мы перейдем к освещению обстоятельств принятия решений, «обустроивших» мир после завершения Второй мировой войны, отметим, что во многих современных работах западных авторов формирование послевоенного миропорядка представлено, как воплощение целей США и их западных союзников, воспользовавшихся победой в войне для утверждения и распространения демократических институтов и либеральных ценностей. О вкладе СССР в победу над фашизмом и истории принятия главных политических решений 1945 г., создавших Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений, либо говорится вскользь, либо не говорится вообще, либо производится «передёргивание кадра» и внимание переключается сразу на международные отношения периода холодной войны с характерными для них гонкой вооружений, блоковым противостоянием, идеологической непримиримостью, американо-советской конфронтацией и демонизацией Советского Союза.

Исследовательская проблематика, восходящая к событиям финального года войны, обширна и многогранна. Особое, доминирующее место в ней занимают сюжеты, связанные с деятельностью «большой тройки» – СССР, США, Великобритании, поскольку именно в рамках этого треугольника³ в течение длительного времени велась работа по согласованию перечня вопросов, подлежащих первоочередному обсуждению, шли многоуровневые консультации относительно главных элементов будущего мирового дизайна, организовывались саммиты, увенчавшиеся историческими решениями, давались поручения рабочим органам антигитлеровского альянса по проработке деталей многочисленных проблем, подлежащих политическому урегулированию. Кроме того, между лидерами государств складывались личные отношения, влиявшие на эмоциональный фон переговоров, а также на отношения между их народами. Не только решения как таковые, но и вызванные к жизни их появлением ожидания и надежды на будущее составляли неотъемлемую часть наследия 1945 г.

И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль цементировали фундамент победоносного альянса. Именно их, очевидно, в первую очередь подразумевал М. Гефтер, когда говорил о «селекции крупных личностей», «образовавших мировую диаспо-

³ Образ равнобедренного треугольника использован российскими историками В.О. Печатновым и И.Э. Магадеевым для характеристики отношений лидеров «большой тройки» при подготовке новейшей и наиболее полной публикации их переписки. См.: (Печатнов, Магадеев 2015: 16). См. также: (The Kremlin Letters... 2018).

ру» и сумевших «гениально выкроить переустройство мира» (Павловский 2014: 30–31). Этот тройственный союз не был полностью закрыт для других участников коалиции, но только между главами СССР, США и Великобритании диалог по поводу основных вопросов войны и мира вёлся действительно на равных. Тем не менее отношения между вершинами этого треугольника не были равноценными. Асимметрия обуславливалась не только различиями политических традиций и идеологических программ, которые они представляли, но и «объективным положением трёх лидеров и возглавляемых ими государств в условиях Второй мировой войны» (Печатнов, Магадеев 2015: 17), – отмечают авторы последнего по времени выхода в свет и на сегодняшний день самого полного и глубокого документального исследования переписки трёх деятелей. При этом, несмотря на имевшиеся разногласия, председатель Совета министров СССР, президент США и премьер-министр Великобритании по многим вопросам не просто находили точки соприкосновения, но и добивались взаимоприемлемых решений. Многочисленные труды по истории международных отношений 1945 г. акцентируют внимание на тех фактах и обстоятельствах, которые работали на их разобщение. Такой подход объясним, поскольку он вызван стремлением объяснить причины развала антигитлеровской коалиции почти сразу после завершения войны. Однако ретроспективный взгляд на события семидесятипятилетней давности побуждает задаться не менее важным вопросом: что их объединяло? Почему союз, несмотря на все трудности, до самого конца войны сохранял цельность?

28 сентября 1944 г., выступая в палате общин, только что приступившей к работе после семинедельных каникул, У. Черчилль представил воодушевляющий отчёт о военных успехах англо-американских войск на фронтах боевых действий, завершив его фразой, которая облетела весь мир: «Воздавая должное британским и американским достижениям, мы не должны никогда забывать о неизмеримом вкладе, сделанном в общее дело Россией. ... Выражения, в которых маршал Сталин упомянул недавно о наших кампаниях на Западе, исполнены такого великодушия и восхищения, что я считаю себя, в свою очередь, обязанным подчеркнуть, что Россия сковывает и бьёт гораздо более крупные силы, чем те, которые противостоят союзникам на Западе, и что она на протяжении долгих лет ценой огромных потерь несла основное бремя борьбы на суше». Ораторский пафос в данном случае не заслонял, а, напротив, делал более весомым смысл сказанного. Глава правительства сообщал парламенту, нации и всему миру о роли Красной армии в войне и её решающем вкладе в борьбу с Германией. В завершение выступления Черчилль особо отметил, что «никогда союз трёх великих держав против Германии не был более тесным или более эффективным» (Черчилль 2008: 425, 428-429).

Через пять недель в своём докладе по поводу 27-й годовщины Октябрьской революции Сталин также отдал должное вкладу союзников в войну и отметил, что «если боевой союз демократических государств выдержал испытания более чем трёх лет войны и если он скреплён кровью народов, поднявшихся на

защиту своей свободы и чести, то тем более этот союз выдержит испытания заключительной стадии войны» (Сталин 2001: 234). Ровно через два месяца в своём радиообращении к нации президент Рузвельт развил ту же самую мысль, подчеркнув необходимость сглаживания противоречий и укрепления дружбы с союзниками, предсказывая, что эта «дружба будет иметь жизненно важное значение в мирное время» (Рузвельт 2003: 372–376).

Слова, прозвучавшие в отдалённых друг от друга регионах мира с интервалом в несколько недель, были созвучны по смыслу, и могло показаться, что некоторые формулировки написаны одним и тем же спичрайтером. Тем не менее смысловые различия в этих речах всё же присутствовали. Черчилль говорил о величии коалиции, достигнутом к моменту его выступления, Сталин делал упор на важности её сохранения до полного окончания войны, Рузвельт заглядывал в послевоенное будущее. Все три оратора, безусловно, обращаясь к своим непосредственным слушателям, были уверены, что их слова достигнут столиц союзных государств и будут услышаны, поняты и должным образом оценены. Различия в содержательных доминантах, в силу разделявших эти выступления временных дистанций, отчасти могли отражать эволюцию общей коалиционной риторики по мере приближения окончания войны, но прежде всего, они были проявлением специфики мышления этих деятелей, их отношения к задачам коалиции в контексте целей возглавляемых ими государств. За четыре года они научились понимать друг друга, прогнозировать взаимную реакцию на те или иные слова или действия.

Время войны наложило отпечаток на их представления друг о друге, которые включали широчайшую гамму оценок, чувств и эмоций. Подозрения, предрассудки, корыстные расчёты, десятилетиями сопровождавшие межгосударственные контакты в прошлом, никогда не уходили полностью из их отношений в 1941-1945 гг. и заставляли действовать с оглядкой. Однако была и другая сторона, основанная на осознании общей ответственности в войне, взаимной зависимости, признании неопровержимых заслуг, восхищении мужеством, решимостью и эффективностью руководства народами и армиями, понимании интересов безопасности государств в послевоенном мире. Наконец, был ещё личный, субъективный уровень взаимодействия руководителей «большой тройки», отмеченный ростом симпатии к партнёрам, признанием присутствующих им выдающихся лидерских качеств.

К началу 1945 г. результаты боевых действий на всех фронтах не оставляли сомнений в скором разгроме Германии и делали реальной перспективу быстрого завершения войны. На фоне успешных наступательных действий естественным выглядел «общий настрой союзников на послевоенное сотрудничество», продемонстрированный Крымской конференцией (Борисов 2015: 20). Каждая из делегаций на этом форуме имела свой план действий, преследовала свои цели и исповедовала собственную тактику. Однако объём взаимной заинтересованности намного превышал очевидные разногласия.

Не только общность пока ещё сохранявших актуальность военных целей создавала почву для содержательного обмена мнениями и принятия решений. К началу конференции между лидерами государств утвердилась своего рода культура доверия – уникальное явление в истории международных отношений. «Черчилль и Рузвельт... оба были очарованы Сталиным, – отмечает Д. Рейнольдс. – Обнадёженные тем, что Советский Союз временно сбросил свой революционный покров, они увидели в нём человека дела, с которым они могут вести серьёзные переговоры. Оба надеялись и в значительной степени полагались на то, что ему можно доверять» (Reynolds 2007: 159). Даже британский премьер вопреки обычной для него подозрительности и антикоммунистическим инстинктам, ещё в 1944 г. говорил, что если бы у него была возможность «обедать со Сталиным хотя бы один раз в неделю», то никаких проблем с СССР у союзников не было бы (Reynolds 2007: 111). Рузвельт в расчётах на успех переговоров в Ялте также полагался на свои способности лично влиять на настрой советского диктатора. «В Тегеране маршал и я узнали друг друга. Узнали хорошо. Мы растопили лёд, если он когда-либо и существовал, и с тех пор в наших отношениях льда не было» (Butler 2015: 285), – сообщил он членам американской делегации, напутствуя их перед конференцией в Думбартон-Оксе. Важно помнить, что борьбу, если не за душу, то, по крайней мере, за благосклонное и рациональное поведение советского лидера вели два искушённых в политических баталиях и интригах прагматика. И Сталин поддержал этот посыл, что в немалой степени способствовало результативности диалога.

Решения Ялтинской конференции первоначально «приветствовались, как триумфальный успех и сигнал, свидетельствовавший о том, что сотрудничество союзников может сохраниться и в послевоенном мире» (Winik 2015: 517). Дополнительный вес им придавал тот факт, что большинство договорённостей было достигнуто в результате острейших дискуссий. Они составляли лишь часть политического наследия 1945 г. Однако это была очень важная в содержательном и эмоциональном отношении часть. Результаты саммита, с одной стороны, задавали высокую планку союзническому взаимодействию, с другой – они определили общие рамки подлежащей дальнейшему обсуждению повестки и сформировали своеобразный стандарт для последующей переговорной практики. Сохранить установленный уровень в оставшиеся месяцы завершающего года войны не удалось. После Ялты перемены в союзнических отношениях неуклонно шли по нисходящей линии.

Причины этого регресса в новейшей историографии отмечены широким спектром оценок, которые формируют смысловую канву многочисленных дискуссий. Современный английский историк Макс Хейстингс полагает, что «Великий альянс – отношения военных лет между Британией, США и СССР... всегда был большим блефом; “легенда” требовала, чтобы все притворялись, будто три державы вели войну как совместное предприятие, направленное к общей цели» (Хейстингс 2015: 631). Остаётся неясным, идёт ли в данном случае речь о

самообмане лидеров «большой тройки», или автор имеет в виду, что Рузвельт и Черчилль вводили в заблуждение общественность своих стран для того, чтобы обеспечить себе свободу рук в ведении войны и дипломатических контактах с СССР. И в том, и в другом случае убедительных аргументов в пользу приведённого тезиса не хватает.

Д. Рейнольдс утверждает, что сами по себе ялтинские договорённости отражали соотношение сил внутри «большой тройки», передавали общее стремление избежать послевоенной конфронтации и были вполне реалистичными, однако подлинная проблема заключалась не в решениях как таковых, а в связанных с ними чрезмерных ожиданиях. В итоге, если главы англосаксонских государств переоценили «дух Ялты» и поддались «соблазну неоправданных надежд», то Сталин стал «жертвой своей паранойи» (Reynolds 2007: 160–161).

Конечно, личные качества и особенности менталитета отчасти предопределяли реакцию лидеров всех трёх государств на действия своих партнёров по коалиции весной 1945 г., побуждая каждого из них впоследствии искать виновных в том, что что-то пошло не так. Но дело было не только в этом⁴. Многочисленные раздражители довольно быстро понизили уровень недавней эйфории. Некоторые из них были следствием «недосказанного» в Крыму, но по большей части источниками взаимных подозрений были растущие разногласия по поводу оценок происходящего в Восточной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке. Разоблачающим фактором была также репарационная проблема.

Свою лепту в охлаждение отношений внесли агентурные сведения советской разведки, представившей факты, дающие основания подозревать союзников в неискренности в связи с утаиванием информации о Манхэттенском проекте и бернских переговорах с нацистами. Скрытые от посторонних глаз действия советской разведывательной агентуры были весьма результативными и влияли на общий настрой советского руководства, становясь важным фактором принятия решений. В большинстве случаев разведанные адекватно передавали характерные для политического и военного планирования США и Великобритании тенденции, создавая почву не только для нагнетания «параноидальных» реакций Сталина, но и для рационально мотивированных политических действий руководства СССР. С другой стороны, как отмечают С. Эванс и Г. Ромерстайн, «тайные операции коммунистов против Соединённых Штатов и других государств были... всеобъемлющими и эффективными... Кремль использовал эту тактику систематически, сделал её ключевым элементом государственной политики и выделял на её осуществление огромные ресурсы» (Evans, Romerstein 2012: 2). Данное обстоятельство было источником постоянного беспокойства

---

⁴ «На передний план выходили прежде скрытые или приглушённые противоречия идеологического, геополитического и даже социокультурного порядка, связанные с приближавшимся послевоенным урегулированием и различным пониманием путей обеспечения своей безопасности», – справедливо отмечают российские историки. См.: (Печатнов, Магадеев 2015: 418–419).

не только спецслужб, но и государственных руководителей США и Великобритании. Не менее важной причиной разрушения магии доверия на Западе были действия советских военных администраций на освобождённых европейских территориях.

В ряду современных оценок событий весны 1945 г. по-прежнему значительное место занимают ставшие уже традиционными версии о «циничном разделе Европы на сферы влияния»; «о предательстве Рузвельта», вопреки идеалам Атлантической хартии «отдавшего» Восточную Европу тоталитарным Советам; об «интеллектуальной и физической недееспособности американского президента», не сумевшего вследствие смертельной болезни эффективно противостоять советским притязаниям. Эти интерпретации, восходящие к мифологическому ряду историографии периода холодной войны, либо развиваются, либо опровергаются современными исследованиями⁵. Надо полагать, что историки никогда не откажутся от соблазна дать новое объяснение уникальному феномену антигитлеровской коалиции. По всей видимости, ни одна из предложенных ими версий ещё долго не будет признана окончательной. В течение длительного времени руководители великих держав, абсолютно не похожие индивидуальными качествами, развивали «личные отношения и политические повестки дня»⁶, успешно преодолевая объективно разъединявшие их идеологические и геополитические разногласия. Дальновидность и добрая воля, присущие их поведению в самые трудные годы войны, в какой-то момент перестали быть частью коалиционных отношений. Когда и почему это произошло? Многочисленные обстоятельства, позволяющие приблизиться к пониманию причин этого поворота, кроются в хитросплетениях политических и дипломатических событий весны – лета 1945 г.

В феврале – мае 1945 г. стремительно менялся общий политический контекст международных отношений. Как следствие появились первые ретроспективные оценки Ялтинской конференции, наполненные негативным смыслом. Именно тогда Ялта была впервые охарактеризована как тайный сговор, грубо извративший либеральные добродетели, ради торжества которых США и Великобритания вели войну (Sherwood 1948). Ещё при жизни Рузвельта некоторые члены его штаба, включая посла А. Гарримана, высказывались в том смысле, что согласие президента лично участвовать в работе этой конференции было ошибкой, поскольку Советы якобы восприняли это решение как проявление слабости. Шквал критики вызвала новость о предоставлении СССР трёх мест в Генеральной Ассамблее ООН. Источником напряжения был польский вопрос,

⁵ Из наиболее значительных современных работ, принадлежащих различным историографическим направлениям, следует отметить: (Мальков 2009; Мальков 2011; Печатнов 2006; *America and the Cold War...* 2010; *The Cambridge History of the Cold War...* 2010; Costigliola 2012; Gaddis 2011; Haslam 2011; Leffler 2017; Miscamble 2007; Roll 2013; Spalding 2006).

⁶ Наиболее содержательный труд на эту тему опубликован Ф. Костиглиолой. См.: (Costigliola 2012).

который не только давал западным союзникам основания упрекать Сталина в игнорировании принципов Декларации об освобождённой Европе, но и возбудил обвинения СССР в экспансионизме. На этом основании американский автор Д. Мичем делает вывод о том, что к началу апреля Рузвельт, вслед за Черчиллем, осознал, что ялтинские решения «были разорваны в клочья» (Meacham 2003: 338). Сам Рузвельт, о чем свидетельствует его переписка с партнёрами по коалиции, думал иначе, хотя и признавал, что союзнические отношения развиваются не идеально. 8 апреля в ответ на предложение Черчилля направить в Грецию двустороннюю англо-американскую экономическую миссию он пишет, что исключение из состава делегации русских «будет ошибкой», и обосновывает свою точку зрения следующим образом: «Такие действия с нашей стороны будут выглядеть нарушением ялтинских решений о тройственных действиях в освобождённых районах, и этот наш шаг может быть истолкован как свидетельство того, что мы считаем, будто ялтинские решения больше не действуют. Как Вам известно, дело, конечно, обстоит не так, поэтому я считаю, что мы должны быть осмотрительными и не предпринимать ничего, что бы могло ослабить эффективность наших усилий заставить русских уважать эти решения» (Секретная переписка... 1995). Не только президент США, но и его партнёры не считали, что совместные действия по завершению войны и созданию основ послевоенного мира потерпели крах. У Сталина были свои поводы для негодования в связи с поведением американцев и англичан, он использовал свои методы, чтобы «заставить их уважать» ранее принятые решения, но ни о каком развале коалиции речь в тот момент не шла.

Тем не менее, 12 апреля 1945 г. ситуация внутри антигитлеровской коалиции изменилась. В этот день не стало Ф.Д. Рузвельта. Его смерть воспринималась современниками как невосполнимая утрата. Конечно, к этому моменту уже было ясно, что последовательно проводимый им в жизнь план универсальной реконструкции международных отношений в соответствии с либеральными принципами не гармонирует с внешнеполитическими расчётами советского руководства и противоречит колониальным притязаниям Великобритании. Но Рузвельт был терпелив, последователен, он готов был двигаться поэтапно, учитывая интересы действующих и потенциальных партнёров. И он умел договариваться. Его преемник этими талантами не обладал. Факт смены руководства в Белом доме в переломный момент истории заставляет историков вновь и вновь искать ответ на вопрос: если бы Рузвельт прожил ещё несколько лет, как бы это отразилось на ходе истории? Другой вопрос, логически связанный с первым, состоит в том, можно ли считать приход в Белый дом Г.С. Трумэна поворотным моментом в истории антигитлеровской коалиции, обозначившим начало движения в направлении от Второй мировой войны к холодной войне?

Г. Киссинджер, в целом весьма высоко оценивающий уровень реализма в политике Рузвельта, отмечает, что тот, вероятнее всего, столкнувшись с исповедуемым СССР силовым подходом, противоречащим его надеждам на мир, «ос-

нованном на законности», «обратился бы к своей макиавеллевской стороне» и попытался бы договориться со Сталиным о новом балансе сил (Киссинджер 2015: 354–355). Современники по этому поводу оставили разные суждения. Джеймс Бирнс, входивший в 1945 г. в узкий круг лиц, окружавших Рузвельта и хорошо осведомлённый об умонастроениях своего шефа, в 1947 г. отмечал, что тот ощущал приближение момента, когда договориться с русскими будет невозможно, поэтому незадолго до смерти он пришёл к пониманию целесообразности ужесточения курса США в отношении СССР. Министр иностранных дел Великобритании Э. Иден, многократно встречавшийся с главой Белого дома во время войны, наоборот, полагал, что, если бы Рузвельт жил и пребывал в добром здравии, он никогда не допустил бы раскола союза и конфронтации (Butler 2015: 509). В Советском Союзе на самом высоком уровне неизменно отмечали, что Рузвельт «был противником политики силы» в международных отношениях и рассматривался как надёжный союзник (Butler 2015: 509). Посол Гарриман, критически оценивавший усилия президента, направленные на сближение с Москвой в 1945 г., девятнадцать лет спустя изменил своё мнение и говорил о том, что «если бы Рузвельт был жив и находился в удовлетворительной физической форме, то вполне вероятно, что он смог бы управлять миром». Свою уверенность Гарриман основывал на том, что руководители двух стран адекватно оценивали друг друга, и если Рузвельт был одним из немногих современников, кто по-настоящему понимал мотивы и поступки Сталина, то Сталин, в свою очередь, считал его одним из немногих зарубежных деятелей, кому он мог доверять (Schlesinger 2007: 335–336). Возможно, наиболее взвешенный ответ на вопрос о том, какие последствия имел уход из жизни американского президента, дал американский историк Фрэнк Костиглиола: «Смерть Рузвельта ослабила, может быть фатально, шансы избежать, или, по крайней мере, смягчить холодную войну. ФДР был методичен, создавая Великий Союз, работал над его сплочением. Он имел намерение продлить коалицию на послевоенный период, и Сталин хотел того же. Несмотря на свою марксистско-ленинскую идеологию, советский диктатор также идентифицировал себя с царем Александром I, который продолжал оставаться членом Священного Союза после победы над Наполеоном» (Costigliola 2012). Латентно существовавшие на протяжении всей войны идеологические разногласия и политические трения между членами военного альянса президент не считал непреодолимыми.

В любом случае, изменение персонального состава «большой тройки» немедленно отразилось на интонациях всех её участников. Однако главная проблема в данном случае заключается не в определении роли Рузвельта в тройственном союзе или его вклада в формулирование конкретных решений, повлиявших на архитектуру послевоенного мира. Гораздо важнее понять, сохранилась ли преемственность в американской внешней политике после смены президента.

В политической риторике США идея непрерывности внешней политики, основанной на неизменных либеральных ценностях, является

преобладающей⁷. Опыт 1945 г. позволяет проверить этот постулат. Действия администрации Трумэна дают для этого необходимый материал.

Вступая в Белый дом, Трумэн осознавал ограниченность своих знаний в области международной политики. Он никогда не был близок к Рузвельту, однако испытывал по отношению к нему большое уважение. Дочь Трумэна Маргарет вспоминала, что первой реакцией отца на смерть ФДР был «огромный прилив симпатии и скорби» (Truman 1973: 209). Со временем эти чувства не ослабли. В 1952 г. в разговоре с А. Шлезингером он по-прежнему «говорил о ФДР как о президенте» (Schlesinger 2008: 23).

Первые заявления, сделанные Трумэном в роли президента, свидетельствовали о намерении сохранить прежний курс. Но он остро нуждался в политических советниках и постарался максимально использовать знания и таланты членов команды Рузвельта – Г. Гопкинса, Дж. Дэвиса, А. Гарримана, У. Леги, Э. Стеттиниуса и других. Такой подход стал для него своеобразной ловушкой. Рузвельт превосходно знал личные и деловые качества членов своего окружения, он виртуозно пользовался их сильными качествами и умело нивелировал существовавшие между ними разногласия. Такой стиль цементировал президентскую команду, позволял ей работать в унисон. Трумэн не имел навыка «вручную» обеспечивать единомыслие своего окружения. По сути, все, кто давал ему политические советы в первые недели, были сильными личностями, имевшими собственные взгляды, далеко не всегда совпадавшие с мнениями других советников. Они привыкли откровенно доводить свои суждения до президента, отдавая себе отчёт в том, что тот воспользуется их экспертными оценками, но его решение будет самостоятельным и учитывающим самую широкую гамму фактов и обстоятельств, включая советы других экспертов. Трумэн не владел этой техникой и на первых порах был склонен воспринимать любую рекомендацию, исходившую от того или иного авторитетного политика, как руководство к действию на том основании, что совет поступил от более компетентного лица, чем он сам. В результате возникли условия для политического разнобоя, невысказанного при Рузвельте. Очевидно, такое положение дел способствовало совершению дебютировавшим главой Белого дома первых неуклюжих внеш-

⁷ См., например: (Ikenberry 2014: 80–90). Автор этой статьи, в частности, пишет: «Конструирование управляемого Соединёнными Штатами глобального мирового порядка началось не с окончания холодной войны; этот порядок как раз и позволил добиться победы в холодной войне. В течение почти 70 лет после окончания Второй мировой войны Вашингтон предпринимал непрерывные попытки создать многостороннюю систему многосторонних институтов, союзов, торговых соглашений и политических партнёрств. Этот проект помог вовлечь страны в орбиту Соединённых Штатов... Альянсы, партнёрства, мултилатеризм, демократия – таковы инструменты лидерства США, и они побеждают, а не проигрывают борьбу XXI века за геополитику и мировой порядок» (Ikenberry 2014: 81). Об этом же пишет и Киссинджер (Киссинджер 2015: 364–365). Примечательно, что в перечне «инструментов победы» США в холодной войне фигурируют «альянсы». Именно в представлениях о приемлемых формах «альянсов» заключается одно из наиболее принципиальных различий в целеполаганиях Рузвельта и Трумэна. Рузвельт исходил из идеи «четырёх полицейских» – великих державах («большая тройка» и Китай), несущих общую ответственность за мир и безопасность на планете и продолжающих дело антигитлеровской коалиции. Для Трумэна – это Североатлантический договор, имевший совсем иные функции.

неполитических шагов: 23 апреля состоялся его неоправданно резкий разговор с В.М. Молотовым, прибывшим в США для участия в работе Учредительной конференции ООН; через три недели были приостановлены поставки в СССР по лендлизу. Эти импульсивные действия были рекомендованы соответственно послом А. Гарриманом и заместителем государственного секретаря Дж. Грю, при жизни Рузвельта пользовавшимися его полным доверием. Не исключено, что Трумэн полагал, что, поступая таким образом, он вполне вписывался в формат рузвельтовской политики. В этом он, скорее всего, заблуждался. В результате доверие к нему в Москве как к преемнику и продолжателю прежнего курса было подорвано (Harbutt 2010: 367). По большому счету, это доверие восстановить так и не удалось.

Примечательно, что первым ненормальность такого положения дел осознал самый близкий к президенту в годы войны член администрации Г. Гопкинс, которому Трумэн предлагал место в составе кабинета. Гопкинс отказался и посоветовал другим членам команды Рузвельта поступить так же. «Трумэн должен окружить себя своими людьми, а не людьми Рузвельта», – такой совет, явно «для передачи», он дал давнему другу и политическому соратнику президента Б. Ханнегану (O'Sullivan 2015: 126–127). Совет пришёлся кстати. Осенью 1945 г. Трумэн запустил процесс обновления администрации и к началу 1946 г. весьма преуспел в этом деле. Кадровое обновление было необходимым условием содержательного переоформления внешнеполитического курса. Для этого требовалось определённое время, поскольку новый президент оказался на своём посту, не имея предварительных программных наработок и опыта международной деятельности (McCulough 1992: 333, 354–355).

Надо полагать, что Трумэн осознавал свою слабую подготовленность и отсутствие должного политического авторитета для того, чтобы чувствовать себя на равных среди наиболее влиятельных политиков мира. К тому же на него давил авторитет Рузвельта. Он понимал, что вольно или невольно все сопоставляют его с предшественником, сравнение с которым выдерживать было крайне сложно.

В самом начале своего президентства в разговоре со спикером палаты представителей С. Рейберном он обронил фразу, характеризовавшую его внутреннее состояние: «Русские меня проверяют. Они думают, что я всего-навсего маленький галантерейщик, и они меня проверяют» (Schlesinger 2008: 22). И был недалёк от истины. Молотов из памятной встречи с ним в апреле 1945 г. вынес впечатление, что «до интеллекта Рузвельта ему далеко». Переломить такое отношение было непросто. К Потсдамской конференции Трумэн подготовился основательно и рассчитывал не только достичь намеченных целей, но и укрепить свои позиции в «клубе великих». После её завершения он публично демонстрировал удовлетворённость её результатами и подчёркивал незыблемость курса на развитие взаимодействия с СССР и Великобританией. В радиообращении к американскому народу 9 августа он заявил: «Прочный фундамент доброй воли

и сотрудничества был заложен президентом Рузвельтом. Ясно, что этот фундамент основан на чем-то более значительном, чем персональная дружба трёх деятелей. Этот фундамент основан на согласии относительно поставленных перед нами целей»⁸. Энтузиазм, звучавший в этих словах, тем не менее был несколько преувеличенным. Много лет спустя, в марте 1957 г., в неотправленном письме Дину Ачесону он поделился воспоминаниями о Потсдаме, тон которых был не столь приподнятым. «Конечно, – писал Трумэн, – дела в целом шли нормально, поскольку у России не было никакой программы, кроме как захватить как можно более значительную часть Европы, убить как можно больше немцев и оставить в дураках западных союзников. Британия хотела всего лишь заполучить контроль над Восточным Средиземноморьем, сохранить Индию, персидскую нефть, Суэцкий канал и при любых обстоятельствах свободу рук. И на другом краю этого круглого стола сидел наивный идеалист, который хотел установить свободу мореплавания, сделать открытыми для всех канал Дунай – Рейн – Киль, Суэц, Чёрное море с проливами и Панамский канал, восстановить Германию, Италию, Францию, Италию, Польшу, Чехословакию, Румынию и Балканы, добиться надлежащего обращения с Латвией, Литвой, Финляндией, освободить Филиппины, Индонезию, Индокитай, создать свободный Китай и свободную Японию» (Off the Record... 1997: 348–349). Нарочитая поза «наивного идеалиста» передавала его разочарование итогами конференции, а текст всего письма выглядел как запоздалое объяснение причин перехода к политическому реализму. Реплика по поводу Сталина в том же письме, что тогда ему «нравился этот маленький сукин сын» (Off the Record... 1997: 348–349), мало что объясняет. Гораздо важнее было испытанное им ощущение, что сам он Сталину не понравился и сравнения с Рузвельтом не выдержал. Не случайно после Потсдама вопрос о личной встрече между этими руководителями не вставал ни разу.

Конечно, происхождение холодной войны невозможно объяснить только тем, что между двумя руководителями великих держав не сложились доверительные отношения. Конфликт идеологий и несовпадающие геополитические программы подтачивали изнутри союзническое единство и объективно способствовали конфронтации. Но психологические мотивы и индивидуальные качества главных на тот момент деятелей истории всё же играли большую роль. Едва ли не единственный шанс преодолеть с каждым днём возрастающую инерцию распада коалиции заключался в способности руководителей наладить личный диалог, в ходе которого можно было попытаться сгладить противоречия и последовательно устранить разногласия. Этого не произошло. В последующие месяцы в Вашингтоне стал формироваться образ вероломного Сталина, нарушающего все соглашения, а в Москве – образ недалёковидного Трумэна, предавшего забвению политику Рузвельта.

⁸ *Public Papers of the Presidents of the United States containing the Public Messages, Speeches, and Statements of the President Harry S. Truman.* 1961. April 12 to December 31, 1945. Washington. P. 204.

Важной причиной поворота американской внешней политики, наметившегося в конце 1945 г., следует считать стиль политического руководства и принятия решений, установленный Трумэном. Освоившись в роли главы государства, он дал понять, что каждое своё решение он намерен принимать на основе фактов, а затем «будет тут же забывать о принятом решении, чтобы перейти к подготовке следующего». А. Оффнер справедливо подметил, что такой дискретный способ управления заставлял его всецело концентрироваться на настоящем, не заботясь об общем фоне событий, их предыстории, а также о долговременных целях (Offner 2002: 23). В этом заключалась фундаментальная особенность его стиля управления. Она во многом объясняет, как в течение примерно одного года после завершения Второй мировой войны США сумели радикально обновить внешнеполитическую повестку. Отход от стратегии Рузвельта стал реальностью. Нечто подобное произошло с У. Черчиллем, уже 5 марта 1946 г. с одобрения президента США, выступившим с Фултонской речью. В Кремле с готовностью приняли этот вызов.

Наряду с несовпадающими, а порой и альтернативными геополитическими калькуляциями 1945 год добавил в и без того непростой контекст международной политики принципиально новый элемент – атомную бомбу. Появление «оружия огромной разрушительной силы» было ознаменовано его жестокой, даже по меркам Второй мировой войны, демонстрацией в Хиросиме и Нагасаки, навсегда изменившей представления о методах ведения войны и возможных последствиях любого конфликта. Появление бомбы сразу же изменило баланс сил в стане победителей в пользу США и поколебало чувство неуязвимости у советского руководства. У администрации Трумэна появился дополнительный рычаг воздействия на развитие международных отношений, в том числе и в рамках текущих многосторонних и двусторонних дипломатических переговоров.

Взаимосвязь между созданием атомного оружия и началом холодной войны неоднократно служила предметом изучения. Современный уровень знаний по этому вопросу позволяет говорить о том, что эту взаимосвязь нельзя описать при помощи простой причинно-следственной цепочки: появление ядерного оружия – ядерный шантаж – холодная война. Сама по себе атомная бомба не была причиной холодной войны, но, тем не менее, она сопровождала её приближение, придавала постепенно надвигавшейся конфронтации особенный зловещий смысл, «она скорее отражала уже имевшийся конфликт, а не провоцировала его» (Miscamble 2011: 138). Примечательно, что в самих Соединённых Штатах на самом высоком уровне было понимание масштабности угрозы для международных отношений, возникших сразу после Хиросимы. Военный министр Г. Стимсон и заместитель госсекретаря Д. Ачесон ещё в августе – сентябре 1945 г. сообщили президенту Трумэну и кабинету министров о возможных последствиях курса на сохранение ядерной монополии и предложили план действий, ориентированный на сохранение отношений сотрудничества и доверия

с руководством СССР. Примечательно, что ни Стимсон, ни Ачесон никогда не имели репутации политиков, симпатизировавших СССР или коммунизму, скорее наоборот. Их мысли передавали озабоченность той части американского руководства, которую тревожила перспектива новой дестабилизации международных отношений, на этот раз неизмеримо более опасной ввиду наличия оружия массового поражения. В возможность сохранения атомной монополии они не верили. Однако план Стимсона – Ачесона не был принят. Американский историк Джеймс Чейс считает, что если бы их подход возобладал, то в этом случае у истории мог появиться шанс пойти в другом направлении: «Поведение Советов могло бы быть гораздо менее конфронтационным, особенно после смерти Сталина в 1953 г.» (Chase 1996: 144). При всей сослагательности этот вывод не лишён оснований: осенью 1945 г. потенциал доверия в отношениях Москвы и Вашингтона ещё не был исчерпан, однако сначала государственный секретарь Дж. Бирнс, а вслед за ним и глава Белого дома предпочли в тактических целях использовать «ядерную карту» в качестве козыря на заседаниях Совета министров иностранных дел в Лондоне и Москве, из-за чего время было безнадежно упущено. В итоге к началу 1946 г. в политическом истеблишменте США оформилась внешнеполитическая парадигма сдерживания коммунизма.

Проекция проблемы появления ядерного оружия в современность имеет не только историографический смысл: ядерные арсеналы и сегодня сохраняются в боевом состоянии и служат важным фактором международных отношений; по-прежнему актуальна тема нераспространения оружия массового поражения. Не менее важен назидательный аспект проблемы: история появления атомной бомбы и превращения «оружия Победы» в источник глобальной угрозы и инструмент холодной войны демонстрирует, насколько опасно ради локальных, краткосрочных политических целей пренебрегать долговременными общими интересами.

В сознании современных людей 1945 год чаще всего предстаёт эпохой, когда на смену войне и насилию пришли мир и порядок. Такой упрощённый взгляд скрывает огромное количество переходных состояний. На гигантских пространствах в различных частях мира прекращение войны сопровождалось разрухой, хаосом, массовыми депортациями, гражданскими войнами. Потребовалось время для того, чтобы только что созданные международные институты смогли добиться первых позитивных результатов, а недавно сформированные органы государственной власти и управления приобрели достаточный авторитет для нормализации жизни в своих странах. Прошли многие месяцы, а порой и годы, прежде чем жизнь вошла в нормальное русло. Расправы с коллаборационистами, массовые, порой зверские казни и чистки, направленные против лиц, уличённых или заподозренных в сотрудничестве с нацистами, повстанческие движения, ведущие организованную вооружённую борьбу против местных администраций, – всё это также составило содержание истории 1945 года. Во многих случаях эти события непосредственно отразились на оформлении

конкретных деталей послевоенного мироустройства, запечатлелись в конфигурациях границ, формулировках конституций и иных законов, придававших легитимность новым режимам. Не менее важно то, что они наполнили дополнительными смыслами историческую память народов о годе победы, придавая ей оттенки горечи, обиды, возбуждая чувство несправедливости, создавая почву для последующих политических спекуляций.

Разруха, акты мести, снижение уровня общественной морали наблюдались почти во всех странах Центральной и Западной Европы, вовлечённых в войну, включая Францию, Италию, Германию, Австрию и другие государства⁹. «Вторая мировая война была не только традиционной войной за территорию, но и противостоянием рас, идеологий, в котором переплелись полдюжины гражданских войн исключительно по местным причинам», – пишет английский историк Кит Лоу (Лоу 2013: 459). Это замечание во многом помогает объяснить степень ожесточённости, с которой действовавшие по разные стороны линии фронта формирования, созданные из граждан одного государства, вели борьбу друг против друга, распространяя свою ненависть на гражданское население, и почему подписание Германией Акта о капитуляции не привело к повсеместному и немедленному прекращению насилия. «До сего дня Франция не смогла создать официальную версию своей истории военных лет и, возможно, никогда не создаст, потому что массовая поддержка одной версии вряд ли возможна», – констатирует М. Хейстингс. И Франция в этом отношении является не единственным примером. Некоторые современные историки – граждане бывших европейских колоний – считают свои народы жертвами эксплуатации в ходе войны, доказывая, что «Британия... втянула их в борьбу, в которой у них не было никакого интереса, за чуждое им дело». Многие немцы чувствовали себя такими же жертвами Гитлера, как представители покорённых и порабощённых народов (Хейстингс 2015: 625, 632, 645). Завершение войны не внесло успокоения в души тех, кто в 1945 г. считал себя побеждённым. Это во многом объясняет, почему в конце XX — начале XXI в. расслоение национальных сообществ шло, в том числе, и по линии исторической памяти, хранящей воспоминания об итогах давно прошедшей войны, наполненные отблесками как торжества победителей, так и гнева побеждённых.

На территории Восточной Европы в ряде случаев вооружённое сопротивление было направлено против поддерживаемых Красной армией и советскими военными администрациями правительств или органов местной власти. В первую очередь это было характерно для Западной Украины, Польши, прибал-

⁹ См., например: (Лоу 2013). Физическое истребление виновных или неугодных, перемещения и массовые депортации, принудительный рабский труд, моральные унижения, насильственная ассимиляция, чистки, гражданские войны – такой не полный перечень состояний хаоса и беззакония, характерных для Европы в 1945 г., составил и подтвердил фактами автор этого исследования, что и стало для него основанием назвать Европу «жестоким континентом». Ситуация в Европе не была уникальной: Дальний Восток, Индокитай, Индонезия, Ближний Восток, Северная Африка также столкнулись в 1945 г. с большими тяготами.

тийских республик. В то же время, как отмечает современный французский исследователь М. Ферро, «союзники недооценили способность к автономии тех политических сил, которые сумели избежать их контроля, как, например, в Греции, в Югославии, в Китае, где коммунистические партии не повиновались Сталину». Следует всегда иметь в виду, что далеко не все действия коммунистических партий санкционировались Москвой, причём «самым жёстким коммунизм оказался там, где советские войска отсутствовали: в Югославии, в Албании. В Греции гражданская война разразилась также без одобрения Москвы». К тому же не только во время Ялты, но и в последующие месяцы «западные демократии видели в присутствии русских, например, в Венгрии, Румынии, Болгарии гарантию против возвращения либо немецкого влияния, либо фашизма, либо того и другого» (Ферро 2014: 243). Утверждение советского контроля в странах Восточной Европы фактически стало результатом трёх слагаемых: фактического признания западными союзниками правомерности претензий СССР на создание здесь «пояса безопасности»¹⁰, решимости советского руководства поддержать эту претензию соответствующими материальными ресурсами и наличия в восточноевропейских странах соответствующей социально-политической базы для советизации. Все три названных ингредиента были налицо уже в 1945 г., хотя пропорции между ними постоянно менялись. Но при любом их сочетании очевидно, что 1945 г. ещё не стал временем советизации Восточной Европы, можно говорить только о том, что в это время создавались условия для её осуществления в последующие годы.

75-летний юбилей завершения Второй мировой войны показал, насколько велик разноречивостью в трактовках значения Победы антигитлеровской коалиции в войне и решений, закрепивших её результаты. Сказанные ещё в 2002 г. слова Дж. Буша-мл., приравнявшего Ялтинскую конференцию к мюнхенскомуговору, по сути, задали идеологический формат отношения к договорённостям «большой тройки», достигнутым в 1945 г., во многих странах Запада. Произвольное обращение с историческими фактами всё чаще сопровождается попытками переписать историю, оправдать реваншистские настроения или получает узкие националистические интерпретации. Подобного рода ревизионизм сейчас процветает и на постсоветском пространстве.

Начиная с 1990-х гг., когда распад СССР и обрушение Организации стран Варшавского договора поколебали устои двухполюсной стабильности, стали звучать утверждения о несостоятельности Ялтинско-Потсдамской системы. Отдельные её элементы были демонтированы. Перемены коснулись, главным образом, межгосударственных границ в Восточной Европе, в основном непосред-

¹⁰ С. Батлер, например, приводит сведения, согласно которым в Ялте Рузвельт считал, что Польша и другие государства Восточной Европы должны перейти под контроль СССР в силу аксиом географии, поскольку Красная армия фактически уже контролировала эти территории. Поэтому задача Запада заключалась в том, чтобы «отдать их красиво» и постараться впоследствии максимально смягчить здесь возможный эффект советского диктата и его последствия. См.: (Butler 2015: 504–505).

ственно затронув территории СССР и Югославии. Исчезновение Берлинской стены стало символом завершения конфронтации. Практически одновременно с заявлениями о победе Запада в холодной войне, констатировалось установление либеральной системы международных отношений. По сути, программный смысл приобрели слова президента Дж. Буша-старшего, о том, что мир стал однополюсным, поскольку «американскому лидерству нет альтернативы» (Mearsheimer 2019: 17–18). Декларированная президентом Б. Клинтонот готовность возглавить миссию «по формированию “более совершенного союза”» и придать ей «глобальный характер» (Клинтон 2005: 1068), находила отклики в стратегических установках и программах двух последующих администраций. На фоне триумфализма, вызванного для многих неожиданным завершением холодной войны и её ошеломляющими результатами, множились труды историков, политологов и представителей экспертно-аналитического сообщества, посвящённых обоснованию закономерности победы демократии в холодной войне против тоталитаризма и концептуализации либеральной системы мироустройства¹¹.

Президентские выборы в США 2016 г., по итогам которых страну возглавил Д. Трамп, существенно скорректировали оценки перспектив либерального мирового порядка и заставили говорить о его очевидном кризисе и грядущем упадке (Печатнов 2017: 20, 22, 27). Дополнительными аргументами в пользу пессимистичных прогнозов дальнейшей либерализации системы международных отношений стали результаты британского референдума в пользу выхода страны из Евросоюза, а также рост популизма и национализма в ряде стран, в том числе и среди старых и новых союзников США.

Дискуссия о кризисе либерального международного порядка, в последние годы приобрела интенсивный и разветвлённый характер. Несмотря на высокий научный и политический статус её участников, она носит несколько хаотичный характер. Время становления либеральной системы международных отношений, её пространственную локализацию и критерии, по которым оцениваются её главные характеристики, определяются по-разному. Её появление иногда связывают с непосредственными итогами Второй мировой войны¹². Согласно другой точке зрения, создание либеральной системы международных отношений стало возможно только в условиях двухполюсного мира, когда объединённые общими демократическими ценностями страны Запада сплотились вокруг США и создали особенную систему международных отношений, экономиче-

¹¹ Обзор работ западных авторов по этой тематике см.: Полулях Д., Ходжаев Р. Проблема концептуализации глобального лидерства США. *Семинар МП*. Режим доступа: <https://www.sites.google.com/site/politicamira/clients/tribuna/problema-konceptualizacii-globalnogo-liderstva-ssa> (дата обращения: 8.08.2020)

¹² См.: (Нье 2017: 11). Этот автор пишет: «Либеральный мировой порядок, возникший после 1945 г., представлял собой не очень крепко связанные многосторонние организации, в рамках которых США обеспечивали общие блага – свободную торговлю, свободу мореплавания и защиту более слабых государств, которые могли воспользоваться американской силой».

ская эффективность и социальная привлекательность которой и стали главными источниками их победы в холодной войне (Deudney, Ikenberry 1999: 179, 195–196; Ikenberry 2018: 7–8). Сторонники политического реализма резонно обращают внимание на тот факт, что ни в 1945 г., ни тем более в годы холодной войны, миропорядок не был монолитным. Соединённым Штатам приходилось одновременно, и поддерживать глобальную двухполюсную конструкцию мироустройства (которая не была либеральной и всецело зависела от баланса сил), и быть центром особой локальной американо-центристской международной системы, которая также не была либеральной. Только распад СССР открыл дорогу для распространения либерального интернационализма, который в настоящий момент переживает системный кризис (Mearsheimer 2019: 30, 50).

Хронологически рамки современной полемики, независимо от интеллектуальных и политических пристрастий участников, задаются итогами Второй мировой войны и целесообразностью сохранения дошедших до наших дней элементов Ялтинско-Потсдамской системы. Возможность развития мира в соответствии с канонами либерализма в этих решениях изначально предусматривались, в отличие, например, от раскола мира на противоборствующие системы.

Подконтрольная США социально-политическая система эпохи холодной войны с присущими ей военными союзами, социально-политическими институтами и экономическими достижениями сложилась преимущественно к концу 1940-х гг. Примерно тогда же договорённости по территориям, достигнутые в Ялте и Потсдаме, образовали «линию фронта в холодной войне» (Доббс 2014: 456). Хотя в начале 1990-х гг. конфронтация завершилась поражением СССР, царство либеральной гармонии тотчас же не наступило. США в одночасье лишились своего главного противника, но в деле создания по-настоящему американоцентричного однополюсного мира не преуспели, хотя определённые успехи на этом пути были налицо.

Р. Никсон незадолго до смерти довольно метко заметил, что «хотя Советы проиграли «холодную войну», Соединённые Штаты пока её не выиграли»¹³. Этого не произошло до настоящего времени. Косвенным тому подтверждением служат и признание в «ветшании демократических институтов» в США, прозвучавшее в прощальном выступлении Б. Обамы, и внешнеполитические декламации Д. Трампа, представляющие смешение воинственного национализма, неоизоляционизма и унилатерализма (Печатнов 2017: 20), и восхождение Китая как нового центра силы, и постепенное восстановление Россией статуса великой державы (Mearsheimer 2019: 48–49), и рост популизма и националистических настроений по всему миру. И хотя глобализация, технологический прогресс, ограниченность ресурсов и экологические угрозы побуждают к созданию международных наднациональных институтов, поиску новой глобальной иден-

¹³ Цит. по: (Шенин 2008: 223).

тичности и отказу от национализма и традиционных ценностей (Харари 2019: 162-163), современные международные реалии скорой победы либерального миропорядка не обещают.

Соединённые Штаты Америки в настоящий момент продолжают оставаться наиболее мощной державой мира, располагающей разнообразными ресурсами влияния на текущие международные процессы. Однако для закрепления за собой статуса доминирующей или лидирующей силы в деле преобразования мира имеющихся ресурсов недостаточно.

В любом случае для того чтобы миропорядок, основанный на либеральных принципах, получил шанс на продолжение (и не обязательно в рамках однополюсной системы), потребуется укрепление (возможно, после определённой ревизии) действующих всемирных институтов, обеспечивающих стабильность и безопасность, прежде всего для того, чтобы создать барьеры на пути распространения национального эгоизма, радикализма и международного терроризма. Обязательным условием для продвижения идеи либеральной системы международных отношений является существенная корректировка либерализма как такового, отказ от одностороннего навязывания его принципов народам с иным набором ценностей. Наконец, для этого потребуется, чтобы все главные участники современной международной жизни оказались в состоянии вырабатывать единую повестку общих проблем и межгосударственных отношений, взаимодействовать в режиме диалога, вникая в аргументы оппонентов и учитывая их жизненные интересы. Как умели вести диалог лидеры держав «большой тройки» в годы Второй мировой войны.

В 1945 г., может быть, впервые за всю историю человечество осознало, насколько велик и многообразен мир. Предпринятая по итогам Второй мировой войны попытка упорядочить отношения между государствами и народами, придать им предсказуемость, снабдить законами и процедурами регулирования главные экономические, политические и социокультурные процессы, поставить эти процессы под контроль авторитетных международных органов, была не первой в истории. Но она была самой интенсивной, ресурсозатратной и жертвенной, наиболее амбициозной и, вплоть до настоящего времени, самой успешной. Поэтому так важно помнить детали многогранной работы по созданию основ мироустройства, в течение нескольких десятилетий служившего поддержанию стабильности и обеспечению безопасности мирового сообщества. Обращение к этой истории имеет смысл не только в связи с постоянно появляющимися дополнительными возможностями обогатить её новыми фактами, и не ради политически мотивированной актуализации символов прошлого. История формирования Ялтинско-Потсдамского мирового порядка насыщена примерами дальновидных политических решений, позитивных психологических установок и продуктивных технологических приёмов, не утративших своей привлекательности до настоящего времени. Обращение к этому опыту содержит существенный гуманистический потенциал. Основы современной

стабильности по-прежнему во многом зависят от того, насколько обдуманно вносятся поправки в систему политических и нравственных координат, установленную в год Победы над фашизмом.

Об авторе:

Валерий Теодорович Юнгблуд – доктор исторических наук, профессор, пре-зидент Вятского государственного университета. 610000, г. Киров, ул. Москов-ская, д. 36. E-mail: yungblud@vyatsu.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: April 15, 2020
Accepted: June 01, 2020

The 1945 World Order – Process with «Open» Continuation

V.T. Yungblud
DOI 10.24833/2071-8160-2020-4-73-52-79

Vyatka State University

Abstract: The Yalta-Potsdam system of international relations, established by culmination of World War II, was created to maintain the security and cooperation of states in the post-war world. Leaders of the Big Three, who ensured the Victory over the fascist-militarist bloc in 1945, made decisive contribution to its creation. This system cemented the world order during the Cold War years until the collapse of the USSR in 1991 and the destruction of the bipolar structure of the organization of international relations. Post-Cold War changes stimulated the search for new structures of the international order. Article purpose is to characterize circumstances of foundations formation of postwar world and to show how the historical decisions made by the leaders of the anti-Hitler coalition powers in 1945 are projected onto modern political processes. Study focuses on interrelated questions: what was the post-war world order and how integral it was? How did the political decisions of 1945 affect the origins of the Cold War? Does the American-centrist international order, that prevailed at the end of the 20th century, genetically linked to the Atlantic Charter and the goals of the anti-Hitler coalition in the war, have a future?

Many elements of the Yalta-Potsdam system of international relations in the 1990s survived and proved their viability. The end of the Cold War and globalization created conditions for widespread democracy in the world. The liberal system of international relations, which expanded in the late XX - early XXI century, is currently experiencing a crisis. It will be necessary to strengthen existing international institutions that ensure stability and security, primarily to create barriers to the spread of national egoism, radicalism and international terrorism, for have a chance to continue the liberal principles based world order (not necessarily within a unipolar system). Prerequisite for promoting idea of a liberal system of international relations is the adjustment of liberalism as such, refusal to unilaterally impose its principles on peoples with a different set of values. This will also require that all main participants in

modern in-ternational life be able to develop a unilateral agenda for common problems and interstate relations, interact in a dialogue mode, delving into the arguments of opponents and taking into account their vital interests.

Keywords: 1945, American-centrism, anti-Hitler coalition, the Big Three, liberal world order, post-war settlement, Cold War, Yalta-Potsdam system

About the author:

Valery T. Yungblud – Doctor of History, Professor, President of Vyatka State University. Moskovskaya str., 36, 610000, Kirov, Russia. E-mail: youngblood@vyatsu.ru

Conflict of interest: The author declares the absence of conflict of interests.

References:

- America and the Cold War, 1941-1991. A Realist Interpretation.* 2010. Ed. by N.A. Graebner, R.D. Burns, J.M. Siracusa. Vol. I. Santa Barbara: Praeger Security International. 686 p.
- Butler S. 2015. *Roosevelt and Stalin. Portrait of a Partnership.* New York: Knopf Publishing Group. 608 p.
- Chace J. 1996. After Hiroshima. Sharing the Atom Bomb. *Foreign Affairs.* Vol. 75. №1.
- Costigliola F. 2012. *Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Helped Start the Cold War.* Princeton: Princeton University Press. 544 p.
- Deudney D., Ikenberry G.J. 1999. The Nature and Sources of Liberal International Order. *Review of International Studies.* 25(2). P. 179–196.
- Evans S, Romerstein H. 2012. *Stalin's Secret Agents. The Subversion of Roosevelt's Government.* New York: Threshold Editions. 304 p.
- Gaddis J.L. 2011. *George F. Kennan. An American Life.* New York: Penguin Books. 816 p.
- Harbutt F. 2010. *Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads.* Cambridge: Cambridge University Press. 468 p.
- Haslam J. 2011. *Russia's Cold War: From October Revolution to the Fall of the Wall.* New Haven: Yale University Press. 544 p.
- Ikenberry G.J. 2014. The Illusion of Geopolitics. The Enduring Power of the Liberal Order. *Foreign Affairs.* May – June. P. 80–90.
- Ikenberry G.J. 2018. The End of liberal International Order? *International Affairs.* 94(1). P. 7–23.
- Leffler M.P. 2017. *Safeguarding Democratic Capitalism: U.S. Foreign Policy and National Security, 1920–2015.* New York: Princeton University Press. 360 p.
- McCullough D. 1992. *Truman.* New York: Simon & Schuster. 1120 p.
- Meacham J. 2003. *Franklin and Winston: An Intimate Portrait of an Epic Friendship.* New York: Random House Trade. 490 p.
- Mearsheimer J.J. 2019. Bound to Fail. The Rise and Fall of the Liberal International Order. *International Security.* 43(4). P. 7–50.
- Miscamble W.D. 2007. *From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War.* New York: Cambridge University Press. 416 p.
- Miscamble W.D. 2011. *The Most Controversial Decision. Truman, the Atomic Bombs, and the Defeat of Japan.* New York: Cambridge University Press. 190 p.
- Nye J.S. 2017. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. *Foreign Affairs.* January – February. P. 10–16.

O'Sullivan C.D. 2015. *Harry Hopkins: FDR's Envoy to Churchill and Stalin*. New York: Rowman & Littlefield Publishers. 210 p.

Off the Record. The Private Papers of Harry S. Truman. 1997. Ed. by R.H. Ferrell. Columbia: University of Missouri. 488 p.

Offner A. 2002. *Another Such Victory: President Truman and the Cold War 1945–1953*. Stanford: Stanford University Press. 656 p.

Reynolds D. 2007. *Summits: Six Meetings that Shaped the Twentieth Century*. New York: Basic Books. 560 p.

Roll D.L. 2015. *The Hopkins Touch: Harry Hopkins and the Forging of the Alliance to Defeat Hitler*. New York: Oxford University Press. 520 p.

Schlesinger A.M. 2008. *Journals 1952–2000*. New York: Penguin Books. 894 p.

Sherwood R. 1948. *Roosevelt and Hopkins: An Intimate History*. New York: Enigma Books. 880 p.

Spalding E.E. 2006. *The First Cold Warrior: Harry Truman, Containment, and the Remaking of Liberal Internationalism*. Lexington: University Press of Kentucky. 336 p.

The Cambridge History of the Cold War. 2010. Ed. by M.P. Leffler and O.A. Westad. Vol. I: Origins. New York: Cambridge University Press. 662 p.

The Kremlin Letters. Stalin's Wartime Correspondence with Churchill and Roosevelt. 2018. Ed. by D. Reynolds and V. Pechatnov with the assistance of I. Magadeev and O. Kucherenko. New Haven: Yale University Press. 680 p.

Truman M. 1973. *Harry S. Truman*. New York: Morrow. 602 p.

Winik J. 2015. *1944: FDR and the Year that changed History*. New York: Simon & Schuster. 656 p.

Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. 2002. *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnoshenii* [Essays on Theory and Political Analysis of International Relations]. Moscow: NOFMO. 320 p. (In Russian).

Borisov A. Iu. 2015. *Voina i pobeda. Kak rozhdalsia poslevoennyi mir* [War and Victory. How the post-war world was born]. *Novaia i noveishaia istoriia* №2. P. 3–23. (In Russian).

Brzezinski Zb. 2014. *Strategicheskii vzgliad: Amerika i global'nyi krizis* [Strategic Vision: America and the Crisis of Global]. Moscow: AST. 250 p. (In Russian).

Brzezinski Zb. 2015. *Velikaia shakmatnaia doska. Sbornik* [The Grand Chessboard. Collection]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. 720 p. (In Russian).

Churchill W. 2008. *Muskuly mira* [Sinews of War]. Moscow: Eksmo. 528 p. (In Russian).

Clinton B. 2005. *Moia zhizn'* [My Life]. Moscow: Al'bina Press. 1088 p. (In Russian).

Dobbs M. 2014. *Shest' mesiatsev 1945 g. Ot mirovoi voiny k voine kholodnoi* [Six Months in 1945: FDR, Stalin, Churchill, and Truman – from World War to Cold War]. Moscow: Eksmo. 464 p. (In Russian).

Ferro M. 2014. *Sem' glavnykh lits voiny, 1918–1945: Parallelnaia istoriia* [Seven Major Faces of War, 1918–1945: A Parallel History]. Moscow: ROSSPEN. 336 p. (In Russian).

Harari Y.N. 2019. *21 uroklia XXI veka* [21 Lessons for the 21st Century]. Moscow: Sindbad. 416 p. (In Russian).

Hastings M. 2015. *Vtoraia mirovaia voina. Ad na zemle* [All Hell Let Loose: The World at War 1939–1945]. Moscow: Al'pina non-fikshn. 698 p. (In Russian).

Kissinger H. 2015. *Mirovoi poriadok* [World Order]. Moscow: AST. 512 p. (In Russian).

Lowe K. 2013. *Zhestokii kontinent* [Savage Continent: Europe in the Aftermath of World War II]. Moscow: Tsentrpoligraf. 530 p. (In Russian).

Mal'kov V.L. 2009. *Rossii i SShA v XX veke. Ocherki istorii mezhdunarstvennykh ot-nosheni i idiplomatii v sotsiokul'turnom kontekste* [Russia and the USA in the 20th century. Essays on the history of interstate relations and diplomacy in a sociocultural context]. Moscow: Nauka. 496 p. (In Russian).

Mal'kov V.L. 2011. *Velikii Ruzvel't* [The Great Roosevelt]. Moscow: Eksmo. 560 p. (In Russian).

Pavlovskii G. 2014. *Razgovory s Mikhailom Geferom. 1993: Elementy sovetskogo opyta* [Conversations with Mikhail Ghefer. 1993: Elements of the Soviet experience]. Moscow: Evropa. 320 p. (In Russian).

Pechatnov V.O. 2006. *Stalin, Ruzvel't, Truman: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: the USSR and the USA in the 1940s.]. Moscow: TERRA – Knizhnyi klub. 752 p. (In Russian).

Pechatnov V.O. 2017. *Fenomen Trampa i amerikanskaia demokratiia* [The Trump Phenomenon and American Democracy]. *Mezhdunarodnye protsessy*, T. 15. 1(48). P. 13–34. (In Russian).

Pechatnov V.O., Magadeev I.E. 2015. *Perepiska Stalina s Ruzvel'tom i Cherkhillom v gody Velikoi Otechestvennoi voyny: v 2 t. T. 1.* [Stalin's Correspondence with Roosevelt and Churchill during the Great Patriotic War: in 2 volumes. Vol. 1.]. Moscow: Olma Media Grupp. 656 p. (In Russian).

Roosevelt F. 2003. *Besedy u kamina* [Fireside chats]. Moscow: IRTK. 1172 p. (In Russian).

Sekretnaia perepiska Ruzvel'ta i Cherkhillia v period voyny. 1995. [Roosevelt and Churchill: Their Secret Wartime Correspondence]. Ed. by F.L. Loewenheim, G.D. Langley, M. Jonas. Moscow: Terra. 800 p. (In Russian).

Shenin S.Iu. 2008. *Vozvrashchenie v Rossiiu: Strategia i politika amerikanskoi pomoshchi (1990-e gg.)* [Returning to Russia: American Aid Strategy and Policy (1990s)]. Saint-Petersburg: Izd-vo filologicheskogo f-ta SPbGU. 284 p. (In Russian).

Stalin I.V. 2001. *Izbrannye sochineniia: v 3 t. T. 3* [Selected works: in 3 volumes. Vol. 3]. Moscow: Patriot. 476 p. (In Russian).

Wallerstein I. 2003. *Konets znakomogo mira. Sotsiologiya XXI veka* [The End of the World as We Know it: Social Science for the Twenty-first Century]. Moscow: Logos. 368 p. (In Russian).

Литература на русском языке:

Бжезинский 36. 2014. *Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис.* Москва: АСТ. 250 с.

Бжезинский 36. 2015. *Великая шахматная доска. Сборник.* Москва: Международные отношения. 720 с.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. 2002. *Очерки теории и политического анализа международных отношений.* Москва: НОФМО. 390 с.

Борисов А.Ю. 2015. *Война и победа. Как рождался послевоенный мир. Новая и новейшая история.* №2. С. 3–23.

Валлерстайн И. 2003. *Конец знакомого мира. Социология XXI века.* Москва: Логос. 368 с.

Доббс М. 2014. *Шесть месяцев 1945 г. От мировой войны к войне холодной.* Москва: Эксмо. 464 с.

Киссинджер Г. 2015. *Мировой порядок.* Москва: АСТ. 512 с.

- Клинтон Б. 2005. *Моя жизнь*. Москва: Альбина Пресс. 1088 с.
- Лоу К. 2013. *Жестокий континент*. Москва: Центрполиграф. 530 с.
- Мальков В.Л. 2009. *Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте*. Москва: Наука. 496 с.
- Мальков В.Л. 2011. *Великий Рузвельт*. Москва: Эксмо. 560 с.
- Павловский Г. 2014. *Разговоры с Михаилом Гелфтером. 1993: Элементы советского опыта*. Москва: Европа. 320 с.
- Печатнов В.О. 2006. *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.* Москва: ТЕРРА – Книжный клуб. 752 с.
- Печатнов В.О. 2017. Феномен Трампа и американская демократия. *Международные процессы*, Т.15. 1(48). С. 13–34.
- Печатнов В.О., Магадеев И.Э. 2015. *Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: в 2 т. Т. 1*. Москва: Олма Медиа Групп. 656 с.
- Рузвельт Ф. 2003. *Беседы у камина*. Москва: ИРТК. 1172 с.
- Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны*. 1995. Под ред. Ф.Л. Лоуэнхейма, Г.Д. Лэнгли, М. Джонаса. Москва: Терра. 800 с.
- Сталин И.В. 2001. *Избранные сочинения: в 3 т. Т. 3*. Москва: Патриот. 476 с.
- Ферро М. 2014. *Семь главных лиц войны, 1918–1945: Параллельная история*. Москва: РОССПЭН. 336 с.
- Харари Ю.Н. 2019. *21 урок для XXI века*. Москва: Синдбад. 416 с.
- Хейстингс М. 2015. *Вторая мировая война. Ад на земле*. Москва: Альпина нон-фикшн. 698 с.
- Черчилль У. 2008. *Мускулы мира*. Москва: Эксмо. 528 с.
- Шенин С.Ю. 2008. *Возвращение в Россию: Стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.)*. Санкт-Петербург: Изд-во филологического ф-та СПбГУ. 284 с.